

18+

ЧАРЛЬЗ РОБЕРТ МЭТЬЮРИН

Альбигойцы Книга III

Чарльз Роберт Мэтьюрин
Альбигойцы. Книга III

«Издательские решения»

Мэтьюрин Ч.

Альбигойцы. Книга III / Ч. Мэтьюрин — «Издательские решения»,

Учения альбигойцев (катаров) проникнуты безмерной любовью и непреклонной терпимостью, однако это не защитило их от костров. «Священная» инквизиция беспощадно оттачивала на аскетах жестокие пытки со зверским садизмом, чтобы расцвести спустя век эпичной охотой на ведьм и полным истреблением тамплиеров, связь с сокровищами которых имели альбигойцы... Исторический роман о Средневековье и крестоносцах со свойственной Мэтьюрину жуткой колдовской атмосферой демонстрирует демоническое лицо Римской церкви.

Содержание

Чарльз Роберт Мэтьюрин — Альбигойцы III	6
РЕЗНЯ В ЛАНГЕДОКЕ	15
ГЛАВА I (XIX)	18
ГЛАВА II (XX)	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Альбигойцы Книга III

Чарльз Роберт Мэтьюрин

Автор произведения (1824) Чарльз Роберт Мэтьюрин

Художник. Автор единственного портрета Чарльза Роберта Мэтьюрина (1813)

Джеймс Генри Брокас

Адаптация единственного перевода "Альбигойцев" за 1835 год (2026) Артур Коури

Художник. Автор иллюстрации на обложке. Алексей Григоров

Гравюра "Осада Тулузы" (XIX ст.) Альфонс де Нёвиль

Портрет короля Франции Людовика VIII (XIX ст.) Генри Леманн

Серия "К западу от октября" # 33

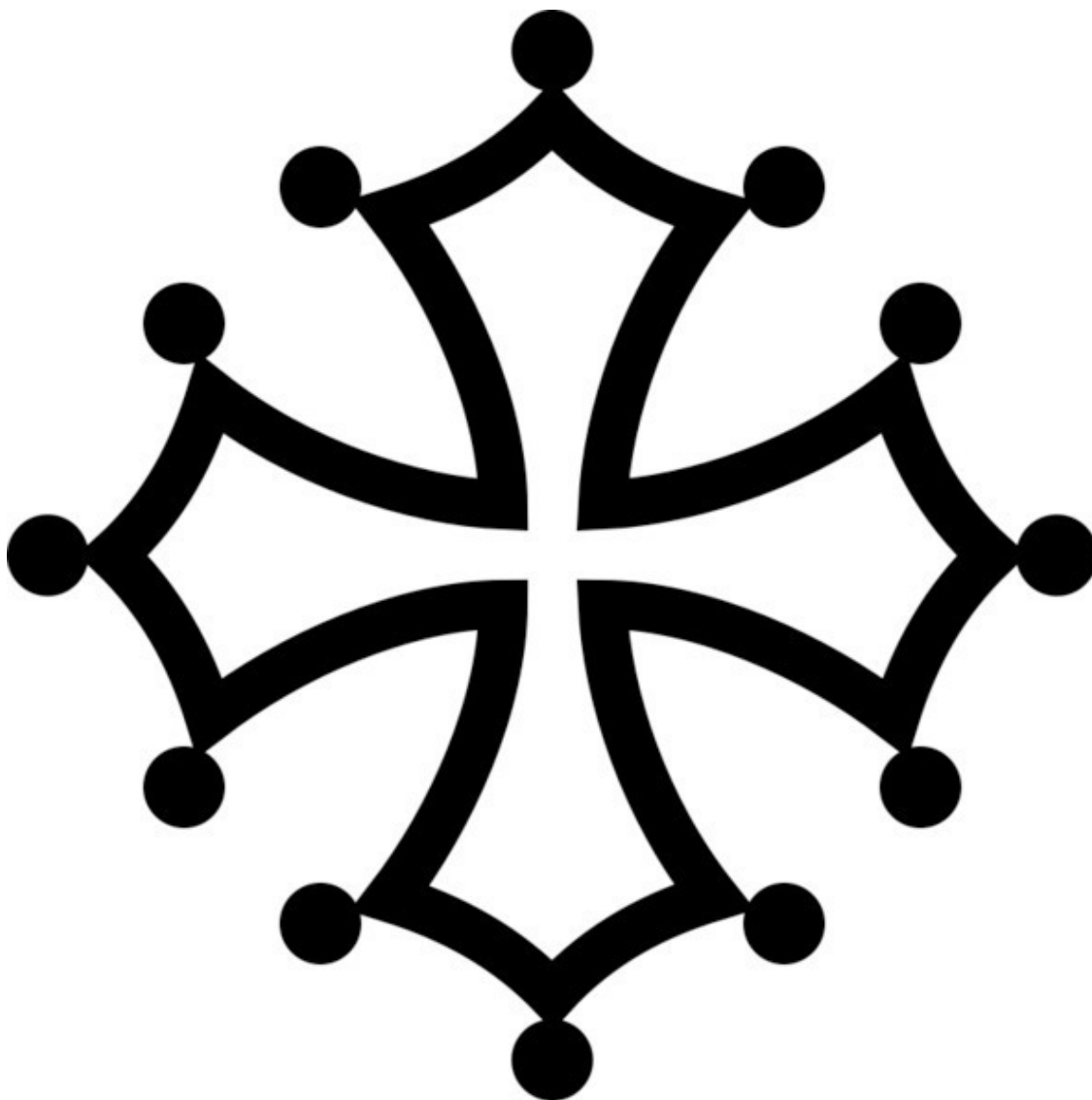
© Чарльз Роберт Мэтьюрин, 2026

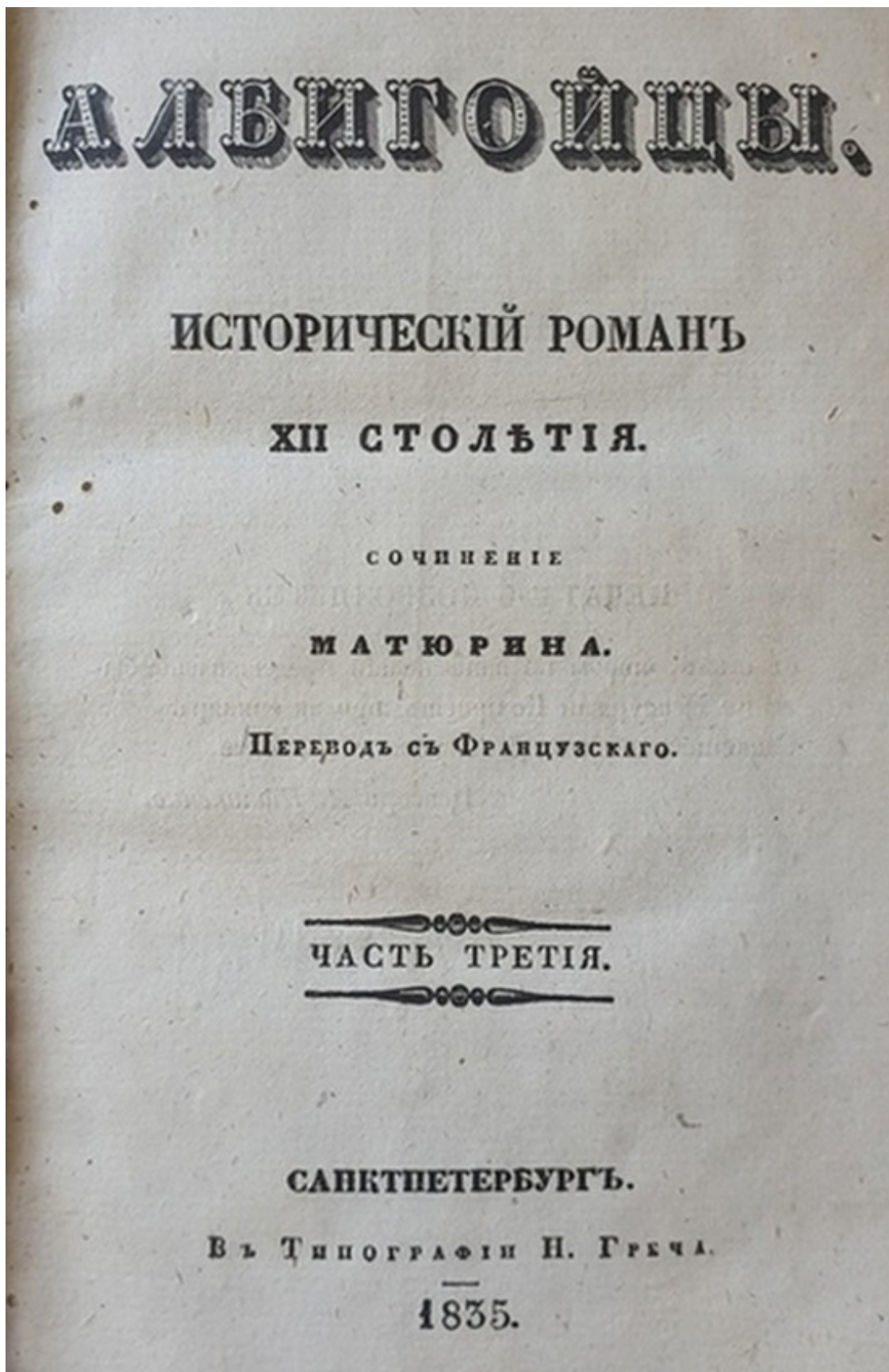
ISBN 978-5-0070-3189-9 (т. 3)

ISBN 978-5-0059-1605-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чарльз Роберт Мэтьюрин — Альбигойцы III

Исторический роман-эпопея в шести частях

、
THE ALBIGENSES,

A Romance

**BY THE AUTOR OF «BERTRAM; OR THE CASTLE OF ST. ALDOBRAND», A
TREDEGY «WOMAN; OR POUT ET CONTRE», &c.**

«Sir, betake thee to thy faith,
For seventeen poniards are at thy bosom».

Shaksper`s. *All`s Well that Ends Well.*

IN SIX VOLUMES

VOL. III

*

LONDON:

PRINTED FOR HURST, ROBINSON, AND CO.

90, CHEAPSIDK, AND 8, PALL-MALL;

AND A. CONSTABLE AND CO. EDINBURG.

1824

*

TO

MRS. SMITH

FITEWILLIAM STREET, DUBLIN

THIS WORK

IS INSCRIBED, BY

THE AUTHOR

、

БИБЛИОТЕКА

РОМАНОВ

и

**ИСТОРИЧЕСКИХ
ЗАПИСОК**

издаваемая

книгопродавцом **Ф. РОТГАНОМ,**

на

1835 год.

*

САНКТПЕТЕРБУРГ

1835

АЛЬБИГОЙЦЫ III.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

XII СТОЛЕТИЯ

сочинение

МЭТЬЮРИНА

перевод с французского

*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*

САНКТПЕТЕРБУРГ

типография Н. Греча

1835

ПЕЧАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

с тем, чтобы по напечатанию предоставлены были в Цензурный Комитет три экземпляра.

Санктпетербург, 3 августа, 1835.

Цензор А. Никитенко.

РЕЗНЯ В ЛАНГЕДОКЕ

К западу от Марселя, вдоль побережья Лионского залива раскинулись благодатные земли исторической провинции Франции Лангедока. В 1208 году жители этого цветущего края были обречены Папой Иннокентием III на поголовное истребление лишь за то, что они, по мнению Рима, вели антихристианский образ жизни. В том году сюда пришла тридцатитысячная Папская армия, возглавляемая авантюристом Симоном де Монтфортом. И хотя его воины цинично нацепили на свою грудь красные кресты защитников Святой Земли, цели их не имели ничего общего с освобождением Гроба Господня. В действительности это так называемое «воинство Христово» было послано для искоренения Альбигойской ереси — аскетического религиозного течения катаров. В соответствии с убеждениями римского первосвященника и французского короля Филиппа II Августа, эти населявшие Лангедок люди являлись закоренелыми еретиками и подлежали беспощадному уничтожению. Кровавая бойня продолжалась много лет, унося десятки тысяч человеческих жизней и опустошая район. Апофеозом этой жуткой драмы стал адский кошмар Монсегюра, где в 1244 году были заперты в духовной семинарии и заживо сожжены две сотни заложников. В религиозном отношении вероучение катаров по сути своей являлось гностическим, и сами катары были исключительно одухотворенными людьми, верившими в чистоту духа и порочность физической плоти. И хотя их убеждения не совпадали с алчными устремлениями ортодоксальной Римской церкви, ненависть Папы к Альбигойцам была вызвана на самом деле кое-чем другим, представлявшим куда более страшную угрозу для Рима. Было принято считать, что катары являются хранителями величайшего священного сокровища, связанного с фантастическими знаниями древности. Земли Лангедока в VIII веке являлись частью существовавшего здесь тогда королевства Септимании, управлял которым потомок рода Меровингов, Гильом Желлонский. Вся область Лангедока и Прованса была привержена древним иудейским традициям и буквально наводнена преданиями о Лазаре (Симоне Зилоте) и Марии Магдалине. Местные жители глубоко чтит память Марии, называя ее «матерью Грааля» истинного христианства Запада. Подобно тамплиерам, Альбигойцы проявляли в высшей степени веротерпимость к религиям мусульман и иудеев, а также были убежденными сторонниками равноправия полов. Тем не менее, католическая Инквизиция (официально учрежденная в 1233 году), обвинив их во всевозможных деяниях, предала катаров анафеме и жестоко расправилась с ними. Опровергая все обвинения, факты свидетельствовали о том, что церковь катаров была церковью всепоглощающей любви к ближним, а сами Альбигойцы являли собой пример беззаветной преданности делу Иисуса. Веря в Бога, Святой Дух и вознося молитвы Всевышнему, они создали образцовое общество со своей собственной системой социального патронажа, с приютами для бедных детей и больницами для неимущих. Катары даже Библию перевели на провансальский диалект, их альтруистическая деятельность в равной степени приносила пользу и остальным жителям Лангедока. Альбигойцы не были еретиками, они просто не принадлежали к официальной церкви. Проповедуя свои идеи исключительно благопристойно, они не нуждались ни в назначаемых сверху священниках, ни в богатом убранстве церковей своих соседей-католиков. Святой Бернард говорил, что *«нет проповедей более христианских, нежели у катаров, — их нравственность безупречна»*. И всё же армия Папы, прикрываясь маской богоугодного деяния, пришла, чтобы стереть их общину с лица земли. Папский эдикт об уничтожении касался не только загадочных катаров, но и всех тех, кто их поддерживал, — а к таким людям относилась большая часть населения Лангедока. Для ещё более убедительного основания правомочности действий Инквизиторов монахи-доминиканцы обвинили местных жителей в занятиях половыми извращениями. Позднее такое обвинение стало причиной всевозможного рода домыслов, касавшихся природы таких биологических аномалий. На самом же деле то, чем занимались просвещенные провансальцы, было не

чем иным, как регулированием рождаемости. Согласно существовавшим в те времена нормам воспитанности и интеллектуального развития, катары, по всей видимости, являлись наиболее культурными людьми Европы. Их дети вне зависимости от пола имели равные возможности получения образования. В те времена Лангедок не входил в состав королевства Франции и являлся вполне самостоятельным государством. В политико-экономическом отношении он скорее был связан с Северной Испанией. Оставаясь реликтом королевства Септимании, область управлялась графами Тулузскими. В учебных заведениях здесь вместе с классическими языками изучались литература, философия и математика. Край этот был вполне богатым и в экономическом отношении стабильным, однако все резко изменилось после того, как в 1209 году в предгорьях Пиренеев появилось Папское воинство. Как зловеший намёк на исторический центр Лангедока и главный оплот катаров — город Альби, эта беспрецедентная по жестокости военная кампания получила название «Альбигойского крестового похода». Из всех религиозных культов, процветавших в средние века, альбигойство было наиболее безобидным. Тот факт, что катары имели отношение к специфическим древним знаниям, сам по себе не был откровением — более четырех веков тому назад Гильом Тулузский, король Септимании, уже учредил Иудейскую академию наук. Но Альбигойцы пользовались славой адептов оккультной символики Каббалы, и их специальные знания могли бы принести существенную пользу рыцарям-храмовникам, которые, как полагали, доставили **Ковчег Завета** и свой иерусалимский клад именно в этот район. Всё это — вместе с убеждением в том, что катары обладают бесценным сокровищем, историческая значимость которого несравненно выше изначальных идей христианства, — привело Рим к заключению, что Скрижали Откровения и иерусалимские манускрипты христианской эпохи должны храниться в Лангедоке. Кроме того, начиная с I столетия в преданиях Прованса постоянно присутствовала тема рода Грааля, а церковь в Ренно-ле-Шато была посвящена в 1059 году Марии Магдалине. Провансальцы утверждали, что толкование Римом смысла распятия Христа являлось умышленным обманом. Также как и тамплиеры, катары никоим образом не разделяли убеждения в том, что Иисус умер на кресте. Хотя в самих ритуалах Альбигойцев не было ничего угрожающего, предполагалось, что духовное течение владеет достаточно существенной информацией, чтобы обнажить во всей неприглядности основополагающие концепции римской церкви. Доведенному до отчаяния изуверскому режиму не оставалось ничего другого, как только бросить клич: «Убивайте их всех!». Люди кровожадно умерщвлялись тысячами, и их дома сравнивались с землей, но сокровище так и не обнаружили. Церковь не могла понять: то ли сокровище в ходе массовой бойни было перевезено в другое место, то ли оно всё ещё не было найдено. Так или иначе, его проклятие дамокловым мечом висело над Папой, и смертельная угроза продолжала сохраняться. Рыцари Храма смогли бы ответить на этот вопрос, но вслед за кровавой бойней в Лангедоке настал и их черед подвергнуться аналогичным гонениям.

Павел Астахов

ГЛАВА I (XIX)

**"Дома хорошее мясо держу, плут: —
Да, сэ, я не подведу вас всю следующую неделю".**

Бомонд и Флетчер¹. *Женщина довольна*

~

Не без страха видела Женевьева, что пленники вверены подобному надсмотрщику. Оба они исполнены силы, легко могли освободиться сами, если бы другие не подоспели к ним на помощь, и весь надзор над ними состоял из дряхлого старца, молодой девушки и дьякона, который, кроме того, что немощен от природы, ни в одной крайней опасности не позволил ещё себе увлечься мужеством. Впрочем, видя уныние рыцарей, нельзя слишком их опасаться. В мрачной тоске сидели они со связанными руками на грубой каменной скамье, и наклоняя вниз головы, думали об ожидавшей их участи. Более всего огорчала наших пленников мысль, что им придётся погибнуть от рук крестьян, и притом от нечистых рук Альбигойцев. Всякая другая смерть казалась им предпочтительнее.

В это время дьякон с удивительным аппетитом глотал куски жаренного козьего мяса, которые выбрал себе из добычи.

— Вы не получите ни кусочка, сказал он, продолжая есть.

— Фу, гадость! Отвечал де Верак, которому пришла мысль воспользоваться обжорством дьякона. Фу! Неужели ты думаешь, что подобная пища может быть достойна рыцарского желудка?

— Не хули это мясо, возразил дьякон; оно имеет такой же бесподобный запах, как мясо коз из стада Невеоха или Кедаря.

— Да, для тебя, одного из сынов нищеты и голода, сказал де Верак, бьюсь об заклад, ты бы пришел в восторг от одного только наименования тех вещей, которыми был навьючен мул, шедший в эту ночь с нашими съестными припасами.

— Сделай одолжение, скажи, что на нём было, вскричал дьякон, разинув рот.

— Огромный пирог, полдюжины фазанов и куропадок.

— Красных куропадок?

— Без сомнения, отвечал де Верак; ещё осётр, которого королевский поставщик рыбы тянул до самого Парижа вверх по Сене, потому что не могли найти такого огромного судна, где бы он поместился.

— В самом деле?!

— Смеешь ли сомневаться, когда я говорю тебе, возразил де Верак.

Сэмонвиль, видя к чему клониться речь, имел столько рассудка, чтобы удержать свой язык.

— Могу ли надеяться отыскать все эти прелести, о которых говоришь ты? Спросил дьякон.

— Можешь, если поторопишься, а не то, Крестоносцы, или кто-нибудь из твоей же братии поймают мула, который, как и полагаю, прошел теперь по лесу мили с две; ты ещё успеешь догнать его.

¹ Джон Флетчер — английский драматург времён Якова I, работавший преимущественно в сотрудничестве с Фрэнсисом Бомонтом. В 1607—1614 годах они писали пьесы для лондонской труппы Kings' Men. Бомонт и Флетчер вошли в историю как яркие мастера драмы. — *Прим. Артур Коури.*

— Не говори о расстоянии: я лёгок на бегу, как олень или горная коза.

С этими словами он готовился выйти. Ужас Женевьевы умножался с минуты на минуту; она попыталась наконец остановить дьякона.

— Возможно ли? Ты уйдёшь, покинув нас в таком положении? Спросила она. Можешь ли отвечать за тех, кого тебе поручили, оставляя их с девушкой и дряхлым стариком?

— Женщина, отвечал дьякон, зачем беспокоишь меня? Видишь, они связаны, а дверь замкнута. Я хочу избавить от искушения слабых моих собратий, хотя бы мне пришлось чрез то зарыть в землю все эти снадобья, или одному съест их.

— Чтобы чёрт тебя побрал, проклятый обжора! Вскричал де Верак, когда дьякон вышел. Для чего же ты, Сэмонвиль, не сказал ни слова, чтобы ещё более раздражить его?

— Клянусь Девой Марий! Ты нёс такую чепуху про осётра, которого тянули вверх по Сене для Короля Французского, что я счёл это полным бредом.

— Молчи, а лучше приступим-ка скорее к делу.

Едва дьякон скрылся, как рыцари принялись перетирать о камень верёвки, которыми были связаны их руки. Сначала они имели мало успеха, и поранили себе только кожу, но под конец верёвки уступили их усердиям мало по малу и рыцари освободились.

Женевьева понимала всю опасность своего положения; но страх, вместо того, чтобы подавить твёрдый дух её, произвёл противное действие, и само приближение опасности внушило ей одно оставшееся в крайности средство.

Аман, во время своих романтических странствований, выказал подробно все сокровенности горных пещер в Лангедоке. В немногие минуты проведённые им с Женевьевой в этом пустынном убежище, он успел открыть узкий проход в скале, который вёл к самой вершине горы: мысль девушки тот час туда устремилась.

— Благородные рыцари, сказала она, я вижу ваше намерение, и смешно сказать, что могу противиться его исполнению. Вы можете легко разорвать верёвки, и ещё легче выломать двери; но если вам дорога жизнь, то не подвергайте её очередной опасности.

— Что говорит эта еретичка? Спросил Сэмонвиль.

— Ровно ничего не понимаю, отвечал де Верак; но признаюсь, никогда ещё не слышал таких приятных, сладких звуков из уст крестьянки; я восхищаюсь, слушая эту девушку, и подобно...

— Сделай одолжение, оставь всё, что может быть подобно, а займись действительным, грубо прервал Сэмонвиль. Говори же, девушка... Проклятый узел! Верно сам чёрт затянул тебя!

— Я говорю, отвечала Женевьева, что хотя мужество и возрастает по мере опасности, то тысяча копий устремиться в грудь того, кто осмелится выломать эти двери. Если бы вы даже каким-то чудом смогли выбраться отсюда аж в горы, то десять тысяч стрел будут натянуты вам вдогонку руками, которые никогда не промазывались, в любом случае вы неминуемо погибнете. А есть и верное средство к спасению, я одна его только знаю, но не продам ни за что моей тайны.

— Объяви же это средство, и ты будешь довольна нами, сказал Сэмонвиль.

— Я нахожу чистосердечие в её взгляде, прибавил де Верак, замечаю прикосновение к ней кисти амура; вижу какие-то черты богини Цитерской², и нечто, напоминающее Граций; подобно бы только хорошенько приладить к ней капюшон и убрать со вкусом её прелестные волосы.

— Ах, не занимайтесь мною, сказала Женевьева с трепетом, стараясь отвлечь от себя внимание; думайте о сохранении вашей жизни; каждая минута драгоценна. Есть путь, по кото-

² Речь скорее всего идёт о Венере Цитерской. Названа так по имени острова Цитеры (теперь Чириги) в Эгейском море, где был великолепный храм этой богини. — *Прим. Артур Коури.*

рому вы можете выбрать на вершину горы, откуда ни взор самый пронизательный, ни полёт стрелы до вас не достигнет. Если я покажу вам этот путь, какая мне будет за то награда?

— Я тотчас пойду по нему, чтобы доказать тебе моё умение быть благодарным, сказал Сэмонвиль; впрочем наполню капюшон твой безантами³, разумеется, в таком случаи, если братья твои возвратят мне то, что отняли.

— Благородный рыцарь, я не прошу золота, робко отвечала девушка.

— Фу, братец! Я знал, что она оскорбится твоим предложением, сказал де Верак; тебе бы вести переговоры только с мужиками или скрягою жидом, а не с девушкой, которая имеет притязание на частичку крестьянского благородства. Послушай, милая, я обещаю тебе богатый плащ, вышитую тунику и такой красивый капюшон, что все твои духовные сёстры, увидев его, обратятся на путь истинный, и станут молиться по Латыне, *in sacula sacculorum*⁴, за совершенное истребление ереси.

Женевьева кротким, но выразительным взглядом дала понять, что и это предложение льстит ей не более первого.

— Кой чёрт! До чего же тебе хочется, вскричал Сэмонвиль. Послушай, де Верак! Это без сомнения не женщина; видишь ли, её не прельщают ни золото, ни наряды. Это верно один из духов, населяющий леса и горы; будем же осторожны; она, того и смотри, потребует от нас капли крови, локона волос, или чего-нибудь подобного, за что после мы будем осуждены навеки.

— О нет, нет! Вскричала Женевьева, вы обманываетесь. Всё, чего я прошу, состоит в том, что если вы когда-нибудь встретите старца, убелённого летами, подобного старику отцу моему, или девушку слабую и робкую, как я, то не обижайте немощного, не оскорбляйте беззащитную.

Рыцари изъявили удивление, и каждый благодарил её по своему.

— Прелестная нимфа пещеры, добрая еретичка, сказал де Верак, ты верно родилась от католика, и потому я стану за тебя молиться богине Венере⁵ и угоднику Купидону⁶.

— Молись за себя; дорога прескверная, тёмная, вся исковеркана, сказал Сэмонвиль, когда по указанному Женевьевою проходу стал взбираться кверху.

Вслед за ним пустился де Верак, и вскоре послышались восклицания и жалобы сего последнего, что платье его поминутно цепляется и дерётся. Наконец Сэмонвиль остановился.

— Ступай же вверх, сказал ему товарищ.

— Не могу.

— Ну, иди вниз.

— Не могу.

— Так пусти же меня вперёд, закричал де Верак, и будучи более ловким, одним скачком очутился на вершине горы.

— Предатель! Воскликнул Сэмонвиль; что ты шумишь, как будто всё черти засели тебе в горло?

— Крестоносцы! Кричал де Верак, забыв об угрожавшей им опасности. Крестоносцы сходят с горы с быстротою потока. Славное знамя Креста развеивается и играет в лучах солнца. Благодарные, мужественные рыцари, разверните все ваши знамёна, огласите воздух криком войны, устремите вперёд копьё! Бог и Церковь!

³ Безант, бизантин также византин — в X — XIII веках западноевропейское название византийского солида и других золотых монет восточных государств. Слово происходит от греческого названия Византия, древнего названия Константинополя. — Прим. Артур Коури.

⁴ «В мешке сока» — смысл фразы возможно не точный.

⁵ Венэра (лат. *venus*, род. п. *veperis* «плотская любовь») — в римской мифологии богиня красоты, плотской любви, желанья, плодородия и процветания. — Прим. Артур Коури.

⁶ Купидон (лат. *Cupido* — желание), он же Амур — бог любви в древнеримской мифологии. — Прим. Артур Коури.

Сэмонвиль выбрался наконец из прохода, и с отчаянием смотрел на зрелище, представляющееся глазам его. Один Бог может спасти их, сказал он; никогда уже не возвратятся они живые в замок Куртенайский. Друг, не можем ли мы известить их об опасности?

— По крайней мере можем погибнуть вместе с ними, отвечал де Верак, устремившись с вершины утёса с быстротою сокола.

Сэмонвиль следовал за ним, и при каждом спотыкании посылал ко всем чертям Монфорта и безрассудную мысль его.

— Мы спасены! Воскликнула Женевьева, когда услышала, что рыцари удалились. Затем, обратив взоры на старика Петра, она прибавила: мы спасены теперь! Ты от смерти, а я может, от бедствия, ещё более ужасного!

ГЛАВА II (XX)

**"Повернуть вожжи был грех и позор, —
Дивные опасности для борьбы:
Что бы ты сделал сейчас, Роланд Чейн,
Были ли вы графом Гленаллана?"**

«Антиквар»⁷

~

Маттафия и провожатые его не теряли времени, чтобы скорее увидеть Графа Раймунда. На пути они были встречены восклицаниями воинов, которых вид и многочисленность увеличили в них надежду; но на все препятствия Маттафия отвечал только, что весьма важные вести, которые везёт с собою, не позволяют ему ни на минутку остановиться. Вскоре он достиг до передового отряда, и был приведён к вождю всего воинства.

Граф Раймунд, вооруженный с ног до головы, сидел на коне, ожидая начала сражения; он не велел раскидывать шатра себе, и с самого утра не сходил с лошади. Будучи окружен рыцарями своими, подобно ему вооруженными, и проповедниками Альбигойцев, которые старались воспламенить его своими речами, он против воли принуждён был терпеть безответственность этих сих последних, ибо понимал всю силу влияния их над толпою. Наружность Раймунда показывала благородство и воинственный дух; но когда начинал говорить он, то запинаясь и прерываясь, его неопределённые выражения высказывали в таких случаях слабый, непостоянный и переменчивый характер, приписываемый ему согласно всем Историкам. На челе его видны были следы минувших бедствий, недавних испытаний, ежеминутно ожидаемых опасностей. Казалось, он утомился играть трудную роль, назначенную ему судьбою, но решился, хотя с растерзанным сердцем, достойно выдержать её до конца жизни. В ранней молодости Граф был ревностным гонителем еретиков и присяжным другом непримиримому врагу их, брату нынешнего владетеля Куртеная, отцу Изабеллы; Затем он стал защитником Альбигойцев, и начал вести с прежними друзьями своими войну, которая кончилась тем, что замки Графа Раймунда были взяты, а жена и малолетние дети его убиты Бароном Куртенайским. За такие подвиги сей последний получил в награду от Короля Французского обширные владения, приобретение которых сделало Изабеллу самою богатой и знатной наследницей во Франции. Граф Раймонд со своей стороны поклялся отомстить дому Куртенайскому, но до этого времени ещё не мог удовлетворить мщение.

Непостоянство его характера обозначенное им при самом начале его поприща, имело влияние на всю жизнь его. То изображал Папе он самую униженную покорность, то являлся вождём воинства против Крестоносцев; иногда с негодованием противился суеверию и владычеству Римской Церкви, в другое время досадовал на фанатизм и неумеренные требования Альбигойцев. Таков был Раймонд Тулузкий, не имевший ни в чём твёрдого основания и постоянства, кроме намерения отомстить дому Куртенайскому. Однако же он не был лишен велико-

⁷ «Антиквар» (англ. The Antiquary), также «Антикварий» — готический исторический роман Вальтера Скотта, опубликованный в 1816 году. Книга повествует о судьбе нескольких персонажей, в том числе антиквара — историка-любителя, археолога и коллекционера предметов сомнительной древности. Хотя роман назван в его честь, антиквар не всегда является главным героем, вокруг других персонажей проходят гораздо более значительные события, антиквар лишь является фигурой, объединяющей более важных для сюжета персонажей и более захватывающие происшествия, которые он сопровождает насмешливыми комментариями. «Антиквар» был одним из любимых романов Вальтера Скотта. — *Прим. Артур Коури.*

душных и благородных качеств, часто являл примеры явного мужества, имел сердце доступное сильным впечатлениям, и никогда не переставал оплакивать потерю супруги и детей своих.

Ласково принял Раймонд Маттафию и его товарищей: потом спросил их о престарелом священнике Петре. Утомлённые мысли Графа радостно остановились на простоте и трогательной невинности характера пастора; но когда он узнал, что жизнь врагов его, и быть может, самого Барона Куртенайского с семейством были у него в руках, то затрясся на лошади, выхватил меч, поднялся на стремяна, махая мечом над головой, и поклялся не оставлять поля битвы до той минуты, пока кровь вероломных Куртенаев не иссякнет до последней капли.

Обет встретили громкими восклицаниями толпы, окружившей Раймонда. Все мечи исторглись, знаменны были распущены, и Маттафия, исполнившись дикого восторга, потрясая тяжелой палицей, воскликнул:

— Устремимся на них, раздавим врагов и возвратимся не прежде, как истребим их до последнего: пусть вражеские шлемы разлетятся прахом по долине, и кровь врагов ниспадёт на всё росю!

— Разверните моё знамя! Вскричал Граф Раймонд; пусть загремят все трубы и военный клич ваш отзовется в горах! *Бог и Евангелие!* Устремимся на врагов, словно лавина, свергнувшаяся с вершины утёса; пусть земля, ими попираемая, будет их могилою.

— Остановись, и выслушай меня, сказал Вованерг, схватывая узду нетерпеливого коня Раймонда. Господь предаёт врагов в твои руки, зачем же в этом случае жертвовать жизнью последнего из рабов Божьих. Подожди, пусть неприятели сами запрут себя в лощине, где думают истребить стадо вместе с пастырем. Когда они попадутся в сети, тогда рази их стрелами, как неразумных животных.

— Принимаю совет твой, сказал Граф Тулузкий, всегда державшийся последнего мнения. Я не хочу, прибавил он сам себе, чтобы этот Барон имел хотя бы малейшую возможность скрыться.

— Местоположение действительно благоприятствовало исполнению данного Вованергом предложения. Вершины гор занимали Альбигойцы; при подошве же той из них, где находился сам Раймонд со своими рыцарями, лежала узкая лощина, неровная, пересекаемая потоками и запертая на конце громадною скалою. В эту то лощину, полагали Альбигойцы, направят путь враги их, потому что место это совершенно походило на то, куда скрылись еретики в прошедшую ночь. Они не обманулись в своём предположении.

Крестоносцы, пройдя некоторое время в беспорядке, приближаясь к лощине с тою надменностью, которая, казалась, управляла в этот день всеми их поступками. Они положили переждать полудневный зной под тенью нескольких скал, и шутя, решить участь еретиков. Служители Аббата Нурмутьерского и Изабэллы расставили тотчас столы, раскинули палатки, и это промедление дало воинству Графа Раймонда занять все выгодные пункты для нападения, и отдохнуть после ночного похода.

Горы далеко уже отбросили тень свою, когда Крестоносцы, поместив Изабэllu и её свиту на лесистом холме, выступили в дорогу с весёлыми кликами, как бы стремясь на праздник. Вскоре вошли они в лощину, где все уже готовились принять их. Окружавшие её скалы были покрыты толпами Альбигойцев, прикрываемых кустарником, или лесом и цепью стрелков и пращников⁸. Несколько человек поставили на высотах таким образом, чтобы заменить Крестоносцев притворным бегством и направить на ложный путь.

Крестоносцы с шумом устремились вслед убегающим Альбигойцам, полагая, что остальные скрылись в пещерах. Не смотря на выдавшиеся повсюду скалы и потоки, пересекающие

⁸ Знаменитые лёгкие пехотинцы времен античности, профессионально владевшие пращей и часто служившие наёмниками во многих армиях, в том числе в войсках Карфагена и Рима. Нанимались с Балеарских островов. Даже их название, по мнению Диодора Сицилийского, происходит от греческого глагола βάλλειν (бросать). — *Артур Коури*.

лощину, рыцари достигли её конца, не встретив ни одного неприятеля, и наконец были удержаны громадою отвесных скал, образовавших перед ним непроходимую преграду.

Альбигойцы молча, сторожили свою добычу. Ни один стрелок не спустил лука, пращник не поднял руки до той самой минуты, когда рыцари до последнего вошли в дефилею. Тогда со всех сторон посыпался на них град стрел и камней, направляемых невидимою рукою, ибо ни малейшего шума не было слышно со стороны осаждённых.

Приведённые в беспорядок Крестоносцы, но по неустрашимые тем не менее, полагали, что это насмешка со стороны бежавших Альбигойцев. Однако же все увидели необходимость выбраться из дефилеи, и потому стали разворачиваться, чтобы снова занять высоты. Но вернуться обратно оказалось на просто: лучники и пращники не девали им и минуты отдыха, и когда рыцари наконец вышли из лощины, то воины Раймонда устремились на них со всех сторон, подобно горным потокам.

— Мы окружены, вскричал Сир Паладур, приближаясь к Монтфорту. В такой опасности необходима скорая решимость: отправит сей же час кого-нибудь в замок Куртенайский, чтобы он дал знать о нашем гибельном положении, и немедленно привёл воинов на помощь.

— Я беру на себя с большим удовольствием это препоручение, сказал Аббат Нуармутьерский, задыхавшийся от страха и усталости. Не глупость ли была с моей стороны отправиться вместе с вооруженными рыцарями? Добавил он.

— Так поторопись Отец Аббат, сказал Паладур; да на пути отыщи Изабэллу, и доставь её в замок безопасно. Скажи, что рыцарь её...

— Я не намерен быть разносчиком любовных порочений, и время ли теперь заниматься подобным, возразил Аббат, прищпоривая лошадь.

— Трус, ты уже пустился бежать? Закричал ему вслед Монтфорт, неслыханный разговор Аббата с Паладуром. Но вот духовник другого раздора, прибавил он, увидев подъезжающего к ним Епископа Тулузкого.

— Ну, Граф! Сказал Прелат, вспомнишь ли те сейчас о вчерашнем предостережении, или всё ещё считаешь случившееся вчера обманом? Если бы думали только об одном этом слове: *остерегайтесь*, то благороднейшая кровь Франции не омывала бы теперь ног презренных крестьян.

— Достопочтенный Прелат, отвечал Монтфорт, лучше бы мне вытерпеть удар копыя твоего, чем выносить горькие насмешки. Ах, я сам вижу гибель, в которую вовлеч храбрейших витязей христианства; это меня так терзает, что сердце готово разлететься прахом от стыда и отчаяния.

— Горе тому, кто тебя, благородный Монтфорт, обременяет упрёками в такую минуту, сказал великодушный Паладур. Одно только мужество внушило тебе гибельное для нас намерение; но я с восторгом желаю умереть возле такого воина, как ты.

Монтфорт с жаром схватил руку рыцаря, и слеза скатилась по щеке его. В это время быстро промчался мимо их Сир Эймар, увлекаемый израненный конём своим. Доспех рыцаря был не слабо погнут, щит треснут, и сломан меч. Лицо его, с раной, как и весь внешний вид тоже внушал исключительно ужас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.